

Пережив один крайне скучный документальный фильм, следующие оказались куда интереснее. По крайней мере, голос закадрового комментария был знакомым, а кадры показывали новые виды военной техники, вызывая любопытство Хань Сюня.

После просмотра рекомендованных Ян Чжэнвэем фильмов, Хань Сюнь понял, почему они не были доступны широкой публике — за исключением «Звуков горна», остальные рассказывали о поражениях.

Документальные фильмы, связанные с военной и политической тематикой, никогда не показывали неудачи.

А эти внутренние материалы, строго запрещенные к распространению, подробно описывали задачи, которые, несмотря на героические усилия, закончились провалом.

Хань Сюнь мог представить, как преподаватели академии использовали эти фильмы в качестве примеров того, как не надо делать.

Подчеркивали, запоминали — любая ошибка могла привести к таким последствиям.

В этом плане Центр «Чанкун» полностью соответствовал предпочтениям зрителей.

Радостные новости, без упоминания о проблемах.

Фильмы, сериалы и документалки, которые выходили в эфир, показывали военных как смелых и непобедимых героев.

А во время внутреннего обучения использовали записи поражений как уроки, надеясь, что будущие поколения извлекут из них урок.

Хань Сюнь привык смотреть успешные документальные фильмы, и теперь, наблюдая за записями неудач, он испытывал чувство грусти.

Холодные и безэмоциональные кадры, каждый раз сообщавшие о провале, означали жертвы.

В отличие от фильмов, драматизирующих смерть, документалки даже голосом комментатора звучали механически и бесстрастно.

Наконец, остался «Тридцать шестой флаг».

Хань Сюнь подготовился к долгому фильму о смерти, но оказалось, что это был короткометражный фильм.

Тридцать шесть флагов символизировали не тридцать шесть побед, а тридцать шесть сожалений.

Несвязавшиеся с командой товарищи, пропавшие сигналы, списки пропавших без вести.

Под легковесными записями новостей и словами «задача успешно выполнена» этот документальный фильм рассказывал о солдатах, которые тихо покинули ряды Сухопутных войск.

Здесь не было главных героев, иногда только закадровый голос.

Иногда появлялись родственники солдат, с пустым взглядом рассказывающие о своих

воспоминаниях, но чаще всего показывались пустые кадры казарм, плацев и военной формы.

Это даже не документальный фильм, а просто запись.

Когда дело дошло до последнего короткометражного фильма, время почти истекло.

Хань Сюнь напряженно смотрел на экран, но перед ним была только тьма —

— Один-шесть-один-шесть, я...

Голос оборвался, и на экране появились белые титры.

Тишина длилась около трех секунд, после чего медленно появилось имя создателя фильма: Цю Ебинь.

Он сделал этот фильм в одиночку, сам озвучил и добавил белые титры, что очень напоминало дипломную работу студента киношколы.

Хань Сюнь молча смотрел, как исчезало имя создателя, и фильм заканчивался. В его душе царил пустота.

Фильм назывался «Тридцать шестой флаг», но последний короткометражный фильм состоял только из шести слов обрывочной аудиозаписи.

Хань Сюнь почувствовал, что перед ним висит яркий крючок, а держит его Цю Ебинь.

Цзян Тайгун ловил рыбу, и только тот, кто хотел, попадался на крючок.

Так попасться ли ему на этот крючок?

Хань Сюнь беспокойно сидел в кресле, его мысли были полны документальных фильмов, и он хотел написать рецензию.

Создание и развитие войск прошло через долгие годы войны, с бесчисленными жертвами. Чем ближе к современности, тем меньше становилось жертв, но они становились все тяжелее.

В его голове крутились не неумолимые колеса истории, а «Тридцать шестой флаг».

Он специально выделил тридцать шестую запись, но она оказалась настолько короткой, что это было неожиданно.

Неизвестно, сколько времени он думал, но в конце концов Хань Сюнь взял телефон, размышляя, стоит ли связаться с Цю Ебином и клюнуть на его пустой крючок.

И тут он заметил непрочитанное сообщение.

[Сюй Сымяо: Я скучаю по тебе.]

Три дня назад.

Академия не отключала его связь, но Хань Сюнь старался избегать звонков, чтобы не слышать жалобы и упреки Сюй Сымяо.

Но, к его удивлению, Сюй Сымяо изменил свое поведение. Вместо того чтобы настаивать, он

тихо отправил сообщение, не создавая шума.

Хань Сюню стало немного не по себе.

Когда-то гордый Сюй Сымяо теперь вел себя так осторожно, словно старался угодить.

Он представлял себе гордого короля джунглей, опустившего голову и робко ищущего одобрения.

Хань Сюнь решительно набрал номер, отбросив свои сомнения, и решил, что даже если Сюй Сымяо будет ругаться, он просто выслушает его, как маленького львенка, нуждающегося в заботе.

После первого гудка Сюй Сымяо сразу ответил, мягко сказав:

— Хань Сюнь? Ты наконец закончил сценарий? Я ждал твоего звонка три дня, ты знаешь?

— Прости, — искренне извинился Хань Сюнь, чувствуя тепло в душе.

Он прямо сказал:

— Я тоже скучаю по тебе.

В дни, когда Хань Сюнь был поглощен сценарием, он редко вспоминал о Сюй Сымяо, но когда думал о нем, рядом с человечком из спичек в его блокноте появлялся маленький львенок.

С большой головой, острыми ушами и длинным хвостом, львенок уже умел сворачиваться клубком и сидеть у окна, греясь на солнце.

К сожалению, Хань Сюнь не мог нарисовать его пушистую шерсть.

— Ты не шутишь? — Сюй Сымяо не мог поверить.

Слушая его голос, Хань Сюнь наконец смог отбросить свои сомнения и сказал:

— Не шучу. Как твоя рана?

— Если я скажу, что все в порядке, ты вернешься?

В голосе Сюй Сымяо чувствовалась обида, но он дал Хань Сюню достаточно пространства и свободы.

Он не мог удержать эту душу. Хань Сюнь всегда принадлежал сценариям на сто процентов, но Сюй Сымяо ценой невероятных усилий ворвался в его жизнь и остался в важном месте его сердца.

Ладно, его Хань Сюнь всегда любил сценарии больше всего на свете. Он давно смирился с этим и не собирался соревноваться с главной любовью его жизни...

— Тогда я вернусь, — тихо сказал Хань Сюнь.

Сюй Сымяо удивился:

— Что? Ты серьезно?!

Его тон был настолько удивленным, что Хань Сюнь смутился.

— Я вернусь, — повторил он серьезно. — Сейчас попрошу отпуск.

Хань Сюнь сдержал слово и вернулся.

Дом, где был Сюй Сымяо, приморская вилла, был чист и ухожен, даже низкие кусты по бокам были аккуратно подстрижены.

Однако первое, что он сделал, увидев Сюй Сымяо, — попросил его раздеться.

— Дорогой, ты слишком торопишься, — шутливо сказал Сюй Сымяо.

— Не болтай, раздевайся, — нахмурился Хань Сюнь. — Я проверю рану.

Сюй Сымяо: ...

Он думал, что Хань Сюнь, проведя несколько дней в военной академии, стал более раскрепощенным, но, видимо, зря надеялся.

Хотя в душе Сюй Сымяо была небольшая грусть, он без колебаний снял одежду. Все бинты были сняты, остались только три шрама, которые еще не зажили.

Эти рубцы со временем станут едва заметными следами на животе.

Хань Сюнь внимательно посмотрел на раны на загорелом животе Сюй Сымяо.

— У тебя снова будут шрамы.

— Не будут, — остановил его Сюй Сымяо, поцеловав в висок. — Эти старые шрамы остались из-за плохого медицинского ухода, новые раны не оставят следов. Но если тебе не нравится, я могу их убрать позже.

— Не стоит, не нужно, — сказал он, беря халат. — Надевай.

Но Сюй Сымяо не взял его, а с ухмылкой наклонился и спросил:

— Ты заставил мужчину раздеться и не собираешься ничего делать?

Что делать?

Хань Сюнь посмотрел в его глаза, полные желания, и понял, о чем думает Сюй Сымяо.

И тогда Хань Сюнь улыбнулся, слегка запрокинул голову и поцеловал его.

Он не был аскетом, зачем ему сдерживаться?

Сюй Сымяо всегда был страстным, он прижал Хань Сюня к себе, глубоко поцеловал и, тяжело дыша, прошептал ему на ухо:

— Я думал, ты откажешься.

Хань Сюнь расстегнул пуговицы своей рубашки, бросил на него взгляд и усмехнулся:

— Если я откажусь, значит, ты плох в этом.

Столкнувшись с прямой провокацией, Сюй Сымяо злорадно ухмыльнулся:

— Плох? Ты серьезно?

— Очень даже возможно, — без стеснения ответил Хань Сюнь, не собираясь притворяться скромным.

Сюй Сымяо рассмеялся, его грудь дрожала. Хань Сюнь разжег в нем азарт.

Он посмотрел на него с глубоким и опасным взглядом:

— Тогда не проси пощады потом.

«Даже если попросишь, я не остановлюсь».

<http://bllate.org/book/16443/1491420>